Автор: Felharim
16.08.2009 22:02 -

Влечение к новизне

Учёные разработали множество разных теорий, объясняющих поведение человека. В ряду этих теорий неизбежно должно было появиться что-то такое, что объясняло бы всем известные обстоятельства. А именно то, что человек стремится к перемене объектов своих влечений. В основе такой теории должно находиться понятие, обозначающее это самое стремление к новизне, присущее всем сферам человеческих интересов и всем областям деятельности.

Новое влечение — это влечение к новому

Итак, кайнэрастия (kainos, др.-греч. — новый, erastes, др.-греч. — любящий, почитатель) — это влечение к новому, составляющее коренную сущность любого влечения. Оно присуще всем сферам человеческих интересов и всем областям деятельности. Безразлично, в какой области мы работаем, неважно, что мы избираем в качестве способа проведения досуга. В любом случае, нам надо, чтобы в том, что мы делаем, обязательно присутствовала хоть какая-то новизна. Подобно либидо и стремлению к власти, кайнэрастия — безусловно, коренное влечение, не сводимое более ни к чему.

Можно сказать, что кайнэрастия включает в себя три составные части:

— воспринимать новое, то есть, стремление к пассивным новым впечатлениям;

— быть новым, иначе говоря, стремиться к изменениям в собственной жизненной ситуации;

— создавать новое, то есть производить новые ценности и смыслы.

Если другие мотивационные теории давно и прочно прописаны в научном обиходе, то кайнэрастия — сравнительно молодая теория, хотя уже сейчас ясно, что она не менее значима для понимания человека, чем фрейдовское либидо. Это понятие сейчас интенсивно разрабатывается.

Нейропсихологическая основа

Один из путей обоснования кайнэрастии — нейропсихологический. Вот что мы читаем у известного российского детского психолога Лидии Божович:

„По-видимому, потребность в новых впечатлениях порождается включением в жизнедеятельность ребёнка коры головного мозга. К моменту, когда кора головного

мозга вступает в действие, она ещё не закончила своего формирования ни в структурном (морфологическом), ни тем более в функциональном отношении. Известно также, что полноценное развитие органа, а тем более такого сложного органа, как полушария головного мозга, возможно лишь в результате его функционирования. Поэтому мозг нуждается в раздражителях, вызывающих его деятельность и тем самым обеспечивающих его морфологическое и функциональное развитие“.

„Таким образом, потребность в новых впечатлениях первоначально является чисто органической потребностью, но очень скоро (скорее, чем другие органические потребности) она начинает приобретать некоторые специфические особенности, характерные для духовных потребностей человека.

Во-первых, удовлетворение этой потребности, вызывавшее сначала только ускорение (так же, как удовлетворение других органических потребностей), затем начинает сопровождаться ярко выраженными положительными эмоциями“.

Здесь же кроются корни очевидной опасности, коренящейся в этой потребности:

„Во-вторых, потребность в новых впечатлениях становится как бы не-насыщаемой: чем больше ребёнок получает впечатлений, тем в большей степени у него проявляются реакция сосредоточения и положительные эмоции. То и другое снимается только утомлением.

Получается так, что ненасыщаемая потребность превращается в род дурной бесконечности, создавая потом опасность таких проблем, как алкоголизм и наркомания. Вообще в этих сферах кроется потенциал экспериментально-психологического исследования этой проблемы“.

Новизна — вокруг нас

На житейском уровне, в рамках „психопатологии обыденной жизни“, кайнэрастия может проявляться по-разному. Она проявляется в жалобах на скуку, в раздражении от увиденного на ком-то костюма, похожего на твой. Мы просим замолчать человека, который в кинозале пытается нам рассказать, чем закончится фильм.

Мы отправляемся в путешествия и делаем ремонт в квартире. Мы покупаем новые вещи, не износив старых, и делаем новые причёски. Мы испытываем страх перед заключением брака и меняем предмет страсти. Мы совершаем революции и переезжаем из города в город. Множество видов человеческой деятельности имеет преимущественно кайнэрастический смысл.

В жизни мы имеем дело с целым рядом кайнэрастических „добродетелей“. Это спонтанность, креативность, оригинальность, неповторимость, непохожесть на других. Они обсуждаются повсеместно, на них строится наша оценка многих событий, культурных практик, межличностных отношений. Коренную сущность этих повседневных житейских понятий составляет новизна.

Кайнэрастия встроена в семейные отношения. Речь, понятно, идёт о так называемом конфликте отцов и детей. Кайнэрастические потребности, более сильные и отчётливые в юности, сталкиваются с утомлённой кайнэрастией пожилого возраста. Со старением сама по себе новизна перестаёт быть новой. Конфликт поколений, эдипов комплекс и т. п. вполне могут быть пересмотрены с кайнэрастической точки зрения.

Однако кайнэрастия может быть такой интенсивной, что легко выдерживает испытание повторением. Быть новым — это постоянно самоактуализироваться. Вот как об этом пишет один из создателей теории самоактуализации Абрахам Маслоу:

„Самоактуализированные люди обладают удивительной способностью радоваться жизни. Их восприятие свежо и наивно. Они не устают удивляться, поражаться, испытывать восторг и трепет перед многочисленными и разнообразными проявлениями жизни, к которым обычный человек давно привык, которых он даже не замечает. Колин Уилсон назвал эту способность чувством новизны. Для такого человека закат солнца, пусть даже он видит его в сотый раз, будет так же прекрасен, как и в тот день, когда он увидел его впервые; любой цветок, любой ребёнок может захватить его внимание, может предстать перед ним как чудо природы, пусть даже он перевидал на своём веку тысячу цветов и сотни детей“.

Искусство — область привилегий для нового

Как писал Томас Манн: „Novarum rerum cupidus“ [алчущий нового, бунтарь (лат.)] — никто не оправдывает эту характеристику лучше, чем художник. Никому другому не может так наскучить всё старое и избитое, как ему, и нет никого, кто так нетерпеливо стремится к новому, как он, хотя в то же время он более, чем кто-либо другой, скован традициями.

Смелость вопреки скованности, наполнение традиции волнующей новизной — вот в чём видит писатель свою цель и свою первейшую задачу. Мысль о том, что „этого ещё никто и никогда не делал“, неизменно служит двигателем всех его творческих усилий. Я никогда не мог бы ничего сделать, не мог бы даже взяться за какое-нибудь дело, если бы эта будоражащая мысль не сопутствовала моим начинаниям“.

Приёмы новизны

Вовсе не обязательно обеспечивать кайнэрастическую потребность только банальным прибавлением нового материала. Культурные практики сформировали много приёмов для проникновения в текст новизны. „Новолюбивый“ взгляд на вещи может быть сформирован и посредством целенаправленных культурных практик. Одна из них — это известный литературный приём „остранение“, описанный Виктором Шкловским в знаменитой статье „Искусство как приём“:

„Приём остранения у Л.Н. Толстого состоит в том, что он не называет вещь её именем, а описывает её, как в первый раз виденную, а случай — как в первый раз произошедший, причём он употребляет в описании вещи не те названия её частей, которые приняты, а называет их так, как называются соответственные части в других вещах“.

Известная вещь, описанная так, как если бы её видели впервые, становится новой, интересной, привлекает внимание, видится выпукло и ярко. Разумеется, Лев Толстой не имел в виду использование своего приёма именно для удовлетворения кайнэрастии. Используя этот приём, он ставил явление в положение, где оно приобретает совсем иной этический смысл. Остранение вводилось в первую очередь для того, чтобы осуществить переоценку. Но очень важный смысл остранения — именно в новизне.

Без новизны — нет сексуальности

Соотношение сексуальности с кайнэрастией определяется известными экспериментальными данными. Согласно им, качество сексуальных реакций, интенсивность ощущения в сексуальном контакте существенно возрастает при смене партнёра.

Создатель телесно-ориентированной психотерапии Вильгельм Райх весьма скептически смотрел на перспективы верности в любви:

„В процессе любой половой связи раньше или позже, чаще или реже, но проявляются периоды меньшей интенсивности чувственных отношений и даже чувственное равнодушие. Это эмпирически установленный факт, в опровержение которого нельзя привести никаких моральных аргументов. Основная трудность любых длительных сексуальных отношений заключается в конфликте между притуплением (временным или окончательным) чувственного желания, с одной стороны, и растущей со временем нежной привязанности к партнёру — с другой“.

Новизна в этом контексте, как и во многих других контекстах, оказывается фактором более значимым, чем сама сексуальность. Это справедливо не только по отношению к сексуальности. Кайнэрастия занимает особую позицию по отношению к другим потребностям. Она как бы является условием существования всех других влечений и потребностей вообще.

Проблема, например, кризиса моногамного брака непонятна, если её объяснять исключительно сексуальными причинами, но всегда очевидна при рассмотрении с кайнэрастической точки зрения. Зачастую дурное новое лучше, чем доброе старое.

К истории появления нового

Кайнэрастия в культуре имеет свою историю. Известный немецкий философ Питер Слотердайк возводит современное кайнэрастическое состояние европейской культуры к эпохе Возрождения. Так, он с пристрастием вопрошает: „Откуда берётся эта лишённая всяких тормозов тяга к информации, эта наркотическая зависимость от неё и эта необходимость ежедневно жить среди информационного шума, терпя непрерывную бомбардировку наших голов массами безразлично-важных, сенсационно-неважных новостей?“

И сам же пытается дать ответ на этот вопрос: „Представляется, что с начала Нового

времени наша цивилизация оказалась в плену уникально-противоречивого отношения к новости, к „новелле“, к истории о случившемся, к „интересному событию“ — будто она утратила контроль над своей „жаждой познания“ и над своим „любопытством“, „жаждой нового“. Просвещение всё больше и больше желало превратить универсум в совокупность новостей и информационных справок, и оно осуществляло это с помощью двух взаимодополняющих средств — энциклопедии и газеты. С помощью энциклопедии наша цивилизация попыталась охватить „круг мира“ и весь цикл знания; с помощью газеты она рисует ежедневно меняющуюся растровую картину движения и преображения реальности во всей её событийности. Энциклопедия охватывает константы, газета — переменные, и обе они походят друг на друга своей способностью передавать при минимуме структурирования максимум информации“.

Ясно, что такой ответ лишь фиксирует некие внешне-исторические обстоятельства, не затрагивая корней проблемы. Новолюбие имеет глубинные основания — об этом шла речь выше. Любопытство — лишь частное проявление более глубокого инстинкта.

Культура живёт новизной

Особый качественный этап в „истории кайнэрастии“ — XX век. Произошёл невероятный рост объёма новизны. Это стало возможно не в последнюю очередь благодаря бурному развитию средств массовой информации — вначале печатных, а затем уже и электронных.

Сегодняшний символ кайнэрастического счастья — пульт дистанционного управления телевизором в руке. Переключая каналы, мы постоянно и с лёгкостью удовлетворяем свое стремление к новизне. Технический прогресс увенчался созданием средства для постоянного переживания „кайнэрастического оргазма“ — Интернета.

В сущности, с такой точки зрения, культура — это система, созданная для постоянного удовлетворения кайнэрастической потребности. Там, где культура не может обеспечить серьёзную новизну тем, кто в ней нуждается, она умирает.

Разнообразие жизни, возможность приобщения к новизне в самых различных сферах делает многочисленные травматические переживания (любовные катастрофы или отсутствие детей, к примеру) не такими невыносимыми, как раньше. Без труда можно предположить, что кайнэрастия играет свою роль в процессе так называемого вытеснения. Постоянная погоня за новыми впечатлениями отодвигает травматические переживания на второй план.

XX век создал не только пространство для невиданной доселе реализации кайнэрастии, но и невиданные способы её ущемления. Один из самых жестоких — это индустриальный конвейер. Всем известные нервные расстройства у конвейерных рабочих совершенно непонятны с какой-либо другой точки зрения, кроме как теории, построенной на признании приоритета кайнэрастии.

Модный — значит новомодный

По словам немецкого социолога Вернера Зомбарта, „чем бесполезнее предмет, тем более подчинён он моде“. Наоборот, если какая-то вешь человеку действительно очень нужна, то она, естественно, находится вне влияния моды. Наблюдая за современной индустрией моды, этого нельзя не заметить. Ясно, что в производстве большей части моделей одежды Haute couture нет никакой реальной пользы. Это производство не имеет никакого отношения к соображениям комфорта. Более того, многие из моделей, что показывают на дефиле, не пригодны для повседневной жизни.

Производство модных предметов форсирует и их потребление. Многие психологи с полным на то основанием рассматривают так называемый шопинг — беготню за покупками — как один из видов зависимости (наряду с наркоманией или интернет-зависимостью). Тот же шопинг рассматривается как один из видов психотерапии. Есть и другой распространённый вид психотерапии, основанной на влечении к новизне — терапия путешествиями.

Противоречие между модным и полезным — быть может, вообще одно из самых фундаментальных противоречий в культуре. Видимо, много хорошего уходит из нашей жизни только потому, что перестаёт быть модным…

Ничего слишком

Любое обновление вызывает сопротивление. Трудно обосновывать теорию личности, исходя из одной только мотивации. Как известно, личность — это иерархия мотивов. Резкие движения в сторону новизны обостряют противоположные тенденции. То, что мы называем консерватизмом, придаёт устойчивость любому обществу или отдельной жизни. Более того, консервативное выступает как условие нового. Новизна — это всегда „против чего-то“, разумеется, чего-то старого.

Очевидна необходимость сдерживать объёмы потребления новизны как в жизни отдельного человека, так и в обществе. В противном случае постоянные изменения смели бы всё на своём пути. Прорывы в новое рождают соответственно тоску по старому — ностальгию. Футуристы придумали для устремлённости в прошлое ещё одно название — пассеизм (от французского passe — прошлое).

Конечно, отношение к новизне в культуре неоднозначно. Оказавшись в неких новых условиях, новой ситуации, мы неизбежно оживляем в воображении образы прошлого, причём они нам представляются очень привлекательными. Обновление неизбежно ведёт к ностальгии. Все эти проявления вражды к новизне — консерватизм, пассеизм, ностальгия, а также мизонеизм — страх перед новыми поступками, решениями и проч., так или иначе уравновешивают кайнэрастию, проблематизируют её и тем самым вносят определённое напряжение в процесс её реализации.

Ясно, что отношение к новому имеет и возрастной аспект. Кайнэрастические потребности, более сильные и отчётливые в детстве и юности, постепенно угасают в течение жизни, за редкими исключениями. С возрастом сама по себе новизна перестаёт быть новой.

Интересными прототипами кайнэрастического идеала следует считать героев романа Гюстава Флобера „Бувар и Пекюше“, перепробовавших за время повествования почти все возможные виды деятельности. Они не останавливались, пока не перепробовали буквально всё. Если они терпели поражение в одном месте, то немедленно устремлялись в другое. Все возможные виды деятельности — от издательского дела до сельского хозяйства, от торговли до промышленности — были ими освоены.

Очень сильное стремление к новому определяет и сущность образов таких великих персонажей мировой литературы, как Фауст или Дон Жуан. Кайнэрастия — это, в отличие от фрейдовского либидо, влечение, которое реально отличает человека от животного. Животное, как известно, не стремится к новизне, как таковой. Вообще же, концепция кайнэрастии придаёт новое измерение понятию свободы. Свобода — это всегда свобода к новому. Общепринятое, общепризнанное, законное — по определению не может быть сферой реализации стремления к свободе. Консервативно ориентированная теория свободы немыслима.

Отсутствие новизны как болезнь

Патопсихологический аспект кайнэрастии связан со страхом перед скукой — назовём его фастидиофобия. Настоящее его значение определяется хотя бы тем, что вся пенитенциарная система построена на эксплуатации этого страха. Тюремное заключение связано в первую очередь с ущемлением кайнэрастии.

Кайнэрастия также встроена в структуру нарциссизма. Корень нарциссизма — это феномен так называемого „грандиозного Я“. Среди типов „Грандиозного Я“, описанных московскими психологами Еленой Соколовой и Еленой Чечельницкой, следует отметить „Необыкновенно-Грандиозное Я“. Его функция — внушать восхищение другому.

На самом деле быть „необыкновенным“, „непохожим на других“ значит в первую очередь „быть новым“. Иначе говоря, быть наиболее „продвинутым“ по кайнэрастической иерархии. Снобизм, феномен, существующий в житейском контексте, отчасти тоже построен на принципе „первенства в новом“. Быть на пике моды, ходить на все театральные и кинопремьеры, быть в моде, в тенденции, в теме — вот что здесь важно. Нарцистические преимущества, связанные с благосостоянием, сексуальными победами, стоят в одном ряду с новизной в облике, новизной впечатлений, ощущений и т. п. В клинической реальности дело выглядит так:

„Реализуя функцию внушения восхищения, Необыкновенно-Грандиозное Я обращается с Другим как с „зеркалом успехов“. Психотерапевт начинает чувствовать восхищение, когда пациент обрушивает на него мощный поток информации о своих уникальных способностях, выдающихся успехах, близких отношениях с яркими и известными личностями“.

Кайнэрастическая патология всеохватна и встроена в корневую систему любого психопатологического феномена. Нет клиники без ущемлённой кайнэрастии. Так, депрессии и навязчивости, безусловно, связаны с затруднением приобщения к новизне в

любом виде. В структуру депрессивных феноменов встроено то, что называют „редукцией антиципации“ — отсутствием взгляда в будущее. Обсессии (навязчивые действия) и фобии (страхи) в значительной степени „замешаны“ на этом же феномене.

Понятно, что есть ещё множество аспектов, связанных так или иначе со стремлением воспринимать и творить новое. Они пока не исследованы и, значит, относятся к области нового. Эта область так или иначе притягивает нас к себе. Конечно, это именно она, кайнэрастия, вдохновляет нас исследовать природу и сущность влечения по имени кайнэрастия.